ОСТАНОВКА ПО ТРЕБОВАНИЮ

18+

К. К.

К К

Остановка по требованию

«Автор»
2026

К К.

Остановка по требованию / К. К — «Автор», 2026

Двадцать два года Нина Соколова отправляла автобусы по расписанию. Теперь её собственную таблицу используют, чтобы сократить маршрут, на котором одни ездят на работу, другие — к врачу, а кто-то просто к подруге. Нина решает разобраться и обнаруживает, что за сохранение автобуса готовы бороться люди, которые почти ни в чём не согласны друг с другом. Водителям нужны перерывы, соседнему району — свободные места, а её взрослой дочери — возможность уехать без чувства вины. Чтобы изменить чужое решение, Нине придётся признать свою ошибку и отказаться от роли человека, который знает за всех. «Остановка по требованию» — завершённая социальная повесть о работе, взрослении после сорока и праве на собственную дорогу.

© К К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Семнадцать минут 5
2. Бумага с красной полосой 8
3. Обратный билет 11
4. Человек у окна 13
5. Слишком удобная история 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

К К
Остановка по требованию

1. Семнадцать минут

В первый день ноября Нина Соколова нашла в своём автобусе пассажира, который не собирался выходить.

Человек сидел за водителем, держал на коленях плоскую коробку и смотрел в окно. На вид ему было лет семнадцать. От края коробки к его пальцам тянулась тонкая полоска засохшей краски.

— Конечная, — сказала Нина.

— Знаю.

— Тогда выходить надо.

— Я обратно.

Она посмотрела на часы. До отправления оставалось семнадцать минут. В салоне пахло влажной курткой, резиной и булочкой, которую кто-то успел съесть по дороге от вокзала. Обычно Нина не заходила в автобусы. Её место было за стеклом диспетчерской, рядом с термометром, который круглый год показывал девятнадцать градусов. Но водитель Марат попросил проверить забытые вещи: ему срочно понадобилось в аптеку.

— Обратно тоже билет нужен.

— У меня проездной.

Парень показал карточку, потом школьный пропуск с фотографией. На пропуске было написано: «Тимофей Лапин».

— Рисуешь?

— Макет.

— Чего?

— Остановки.

На коробке лежал прозрачный пакет. Под ним обнаружилась маленькая скамейка, сделанная из палочек от мороженого, и крыша из синей папки. Нина узнала их конечную, хотя настоящая крыша была коричневой, а скамейку в прошлом году забрали.

— У нас не так красиво.

— Поэтому и делаю.

Он сказал это без вызова, будто объяснял, почему зашивает дырку. Нина вдруг подумала, что за двадцать два года работы ни разу не представляла, как могла бы выглядеть остановка. У неё были отправления, прибытия, смены, резерв. Остановка была местом, где автобус стоял.

На стекло постучал мужчина с пакетом.

— До больницы сегодня идёт?

— Идёт, — ответила Нина. — В десять двадцать.

— А завтра?

— И завтра.

— А с понедельника?

Она вышла на ступеньку.

— С чего вы взяли, что с понедельника не пойдёт?

Мужчина развернул телефон. В местном чате висела фотография таблицы с красной полосой. Внизу кто-то написал: «Седьмого больше не будет. Решили всё без нас».

Нина увеличила изображение. Таблица была её. Не та, что лежала у неё на столе, а та, которую она отправила начальнику три недели назад. В третьем столбце значилось: «Средняя загрузка — 4,8 пассажира». Напротив вечерних рейсов — «Рекомендуется пересмотр».

Подписи Нины на фотографии не было. Но она узнала собственную опечатку: слово «будни» в заголовке лишилось буквы «д».

— Это рабочий документ, — сказала она.

— Значит, неправда?

Нина хотела ответить сразу. Потом посмотрела на пустой салон, на коробку у мальчика и на женщину, которая шла к остановке, останавливаясь после каждых пяти шагов.

— Я уточню.

Мужчина убрал телефон с таким выражением, будто услышал окончательное подтверждение.

В диспетчерской звонили два аппарата. Один — внутренний, второй — городской. На втором провод был замотан изолентой. Нина сняла внутренний.

— Ты уже видела? — спросил начальник колонны Виктор Леонидович.

— Видела. Почему моя таблица в чате?

— Это не твоя таблица. Это сведения предприятия.

— Я считала.

— Вот поэтому зайди после обеда. И людям ничего не обещай.

— Они спрашивают, будет автобус или нет.

— Будет решение — сообщим.

Нина положила трубку. Городской продолжал звонить. Она знала этот звук до последней дребезжащей ноты и всё равно всякий раз на долю секунды надеялась, что позвонят не ей.

— Диспетчерская.

— Ниночка, это Вера Павловна. Мне на среду записываться или уже не надо?

— Записывайтесь.

— Ты уверена?

За окном парень вынес коробку на улицу. Женщина, которая шла медленно, села на край бетонной клумбы. На мокром круге сиденья тут же проступило тёмное пятно.

— В среду автобус будет, — сказала Нина.

Она могла обещать среду. Расписание на среду уже лежало перед ней, подписанное, прошитое, с синей печатью. Всё, что случится после, существовало пока в чужих кабинетах.

В десять девятнадцать вернулся Марат. Он поднял пакет из аптеки, словно извиняясь перед стеклом, и побежал к машине. Нина включила микрофон.

— Седьмой, отправление по готовности. Пассажирка у клумбы, подождите.

— Вижу, — отозвался Марат.

Женщина поднялась. Парень придержал ей дверь, хотя дверь была автоматическая и придерживать её не требовалось. Потом пропустил вперёд мужчину с пакетом и последним занёс свою остановку.

Когда автобус выехал со двора, Нина открыла исходный файл. Четыре и восемь десятых. Число было верным — для одиннадцати рейсов, попавших в наблюдение. Она сама предложила взять их за основу: три дня, пять часов работы, без сверхурочных.

В примечании стояло: «Не включает поздние рейсы после 20:00 и воскресенья».

На фотографии примечания не было.

Нина перечитала его три раза. Ей стало легче ровно на время первого чтения. На втором она вспомнила, что сама поместила примечание под таблицей, за пределами печатной области. На третьем поняла, что ни разу не попросила проверить, как файл выглядит у получателя.

В одиннадцать пришло сообщение от дочери.

«Мам, ты дома вечером? Нужно поговорить».

Нина написала: «Да. Что случилось?»

Ответ появился почти сразу.

«Ничего страшного. Только, пожалуйста, сначала послушай».

Она положила телефон экраном вниз. Эту фразу дочь писала редко. После неё обычно выяснялось, что решение уже принято, а Нине оставалось научиться жить внутри него.

2. Бумага с красной полосой

У Виктора Леонидовича было три стула для посетителей. На одном лежали зимние чехлы, на другом коробка с лампочками. Нина села на третий и поставила на колени папку.

— Ты с документами? — спросил он.

— С полной таблицей.

— Я её видел.

— Примечание тоже?

Он вздохнул, не глядя на лист.

— Нина, маршрут возит воздух. В городе не хватает машин. Двенадцатый по утрам люди штурмуют. Два водителя увольняются. Я должен где-то взять автобус.

— Почему тогда не сказать, что проблема с водителями?

— Потому что проблема не одна.

Виктор Леонидович достал из ящика распечатку. В отличие от Нининой, она была цветной. Седьмой маршрут на схеме заканчивался у рынка, не доезжая до Заречья. От рынка к вокзалу шла жирная зелёная линия.

— Пересадка, — сказал он. — Нормальная городская практика.

— Между прибытием седьмого и отправлением двенадцатого три минуты.

— Зато чаще.

— Если седьмой опоздает на четыре?

— Значит, подождут следующий.

— Тридцать пять минут.

— Ты хочешь, чтобы я придумал ещё одного водителя?

Нина сняла очки, хотя без них видела не лучше. Ей хотелось услышать что-то, чему можно возразить целиком. Несправедливость, ошибку, грубость. Вместо этого перед ней лежали нехватка людей, изношенная машина и чужое утро в переполненном двенадцатом. Всё это было настоящим.

— Я хочу, чтобы считали всю дорогу, — сказала она. — Не только движение автобуса.

Виктор Леонидович впервые посмотрел на неё внимательно.

— А ты посчитай.

— Что?

— Всю дорогу. Раз так понимаешь.

Она не сразу отличила поручение от раздражённого предложения.

— В рабочее время?

— Нет. В рабочее время ты диспетчер. У тебя недокомплект по сменам, забыла?

Он подвинул к ней второй лист. На нём стояла дата обсуждения — двадцать второе ноября. До этого дня оставалось три недели.

— Окончательного решения нет. Есть предложение. От жителей принимают замечания. Можешь написать.

— От предприятия замечания есть?

— От предприятия есть просьба не оставлять город без транспорта.

Нина встала. Он остановил её у двери:

— Не делай из меня человека, который ненавидит стариков. Моя мать в Заречье живёт.

— Я знаю.

— Вот именно.

Она спустилась по лестнице, удерживая папку обеими руками. На площадке ремонтировали окно. Рабочий снял раму, и через прямоугольный проём тянуло холодом. Он попросил её подождать, пока перенесёт стекло. Нина послушно остановилась.

Почти вся её жизнь состояла из таких ожиданий. Подождать, пока освободится машина. Пока дочь закончит школу. Пока муж определится, хочет ли остаться. Пока город выделит деньги. Каждое ожидание по отдельности имело разумную причину. Вместе они составили сорок восемь лет.

Внизу у автомата с кофе стояла бухгалтер Светлана.

— Ты чего такая?

— У нас седьмой сокращают.

— У нас всё сокращают. Кроме отчётов.

Светлана встряхнула бумажный стаканчик, будто напиток мог стать лучше от движения.

— Ты же сама писала, что там никого нет.

— Я такого не писала.

— Ну, цифры писала.

Нина не ответила. Именно это было хуже всего: она писала цифры, а люди теперь слышали в них фразу, которой она не произносила.

Вечером она приехала домой на шестом, прошла двести метров от остановки, открыла подъездную дверь и впервые за много лет заметила, как мало усилий требуется ей самой, чтобы попасть домой.

Дочь уже была на кухне. На столе стояла паста в контейнере и два стакана воды. Ася всегда забывала купить чай, когда приезжала к матери, словно чай был свойством квартиры и должен был восстанавливаться сам.

— Ты ела? — спросила Нина.

— Мам.

— Я просто спросила.

— Меня взяли в мастерскую.

Нина знала, о какой мастерской речь. Полгода Ася переписывалась с маленьким театром в другом городе. Там шили костюмы, строили декорации и платили меньше, чем в рекламном цехе, где она работала сейчас.

— На постоянную?

— Сначала на сезон.

— Жильё?

— Комната при общежитии. Отдельная.

— Договор?

— Прислали.

— Отопление там нормальное?

Ася закрыла контейнер.

— Можно ты один раз скажешь, что рада?

Нина посмотрела на её руки. На большом пальце был свежий порез, на запястье — след от резинки. Дочь выглядела уставшей и очень молодой, хотя ей исполнилось двадцать пять.

— Я рада, — сказала Нина.

— Но?

— Я ещё не сказала «но».

— Ты уже приготовила.

Они молчали. За стеной сосед включил новости, потом сразу убавил звук. Нина достала из шкафа две тарелки.

— Когда уезжаешь?

— Двадцать третьего.

На следующий день после обсуждения маршрута.

— Хорошо, — сказала Нина. — Разогревать всё?

Ася кивнула и снова открыла контейнер. В её лице было облегчение, которое Нина приняла за недоверие. Только позднее, уже моя посуду, она поняла: дочь приготовилась защищать свою жизнь и пока не знала, куда деть защитную речь.

3. Обратный билет

В свой выходной Нина села в седьмой в шесть сорок утра. Она взяла блокнот, два карандаша и термос. Термос протекал, поэтому лежал в пакете отдельно от блокнота.

— Проверка? — спросил водитель Борис.

— Пассажир.

— Пассажиры у нас не приходят с таким лицом.

Она заплатила за проезд.

— Вот теперь пассажир.

На первых трёх остановках вошли семь человек. Женщина в медицинской куртке, прикрытой пуховиком; двое мужчин с одинаковыми серыми рюкзаками; парень в наушниках; пожилая пара и школьница с мокрым зонтом. Нина сделала семь отметок.

У Заречного моста автобус остановился дольше обычного. На узком съезде стоял фургон, водитель которого разгружал хлеб. Борис посигналил один раз. Фургон не двинулся.

— Каждый вторник, — сказала женщина в медицинской куртке.

Нина подняла голову.

— Что каждый вторник?

— Он здесь стоит. У магазина поставка.

В блокноте появилось: «Задержка — 4 мин». Женщина посмотрела на запись.

— А вы напишите, что я эти четыре минуты потом бегу.

— Вы в больницу?

— В прачечную. В больнице. Открывать в семь тридцать.

Нина почему-то предполагала, что все люди в медицинской одежде лечат. Она спросила имя.

— Рая. А зачем?

— Пытаюсь понять, кому нужен маршрут.

— Нам, — сказала Рая и показала на салон.

Это был исчерпывающий ответ, но не тот, который можно внести в служебную записку.

У рынка вышли двое. Нина вышла следом, чтобы проверить пересадку. Двенадцатый стоял через дорогу, у павильона с цветами. До перехода было метров восемьдесят, потом обратно столько же. На схеме остановки находились рядом: две точки по разные стороны одной тонкой линии.

Светофор сменился, когда она подошла. Пришлось ждать. По другую сторону мужчина с тростью смотрел на автобус. Водитель закрыл двери. Нина ускорила шаг, хотя никуда не опаздывала.

Двенадцатый уехал в тот момент, когда она вышла из-за цветочного павильона.

— Следующий в семь тридцать восемь, — сказал мужчина с тростью.

— По расписанию в семь тридцать пять.

— По расписанию у меня нога целая.

Он не улыбнулся. Нина тоже.

Они ждали двадцать девять минут. Всё это время она хотела объяснить, что не отвечает за новый проект и вообще пришла разобраться. Но мужчина её ни в чём не обвинял. Он смотрел на дорогу, берег больную ногу и время от времени переносил трость в другую руку.

— Вам к какому часу? — спросила она.

— К восьми. Потом очередь уйдёт вперёд.

— Такси?

Он повернулся к ней.

— Вы можете не предлагать мне дорогие способы быть бедным?

Нина закрыла блокнот.

Когда пришёл автобус, она помогла ему подняться. Он не поблагодарил, потому что в этот момент обеими руками держался за поручень. У больницы они вышли в восемь семь. Мужчина назвал своё имя — Аркадий Михайлович — уже на тротуаре, будто решил всё-таки оставить ей что-то пригодное для записи.

Обратно Нина ехала почти одна. На длинном участке вдоль гаражей в салоне оставались только она и женщина с пустой хозяйственной сумкой. Нина честно поставила цифру два.

Ей уже хотелось, чтобы пассажиров было больше. Это желание испугало её сильнее, чем пустой автобус. Ещё утром она собиралась считать, а теперь начала болеть за результат.

У конечной стоял Тимофей с коробкой.

— Опять макет возишь?

— В училище. Там резак.

— Ты же школьник.

— По субботам подготовка. А сегодня у нас свободный день, пустили в мастерскую.

— Сегодня вторник.

— Я знаю. Вы спрашивали, почему училище.

Нина рассмеялась. Парень смотрел серьёзно, потом тоже улыбнулся.

Она рассказала ему о пересадке. Он достал телефон и открыл карту.

— Там двести шестьдесят метров, если через переход. Я мерил.

— На схеме два сантиметра.

— Смотря какой масштаб.

В этой фразе не было ни упрёка, ни мудрости. Только простое уточнение, которого Нине всё утро не хватало.

Она попросила показать макет. Тимофей отогнул пакет. У маленькой остановки теперь появилась боковая стенка.

— Зачем синяя?

— Другой папки не было.

— А если по-настоящему?

— По-настоящему сначала надо узнать, кто будет убирать снег.

Нина посмотрела на него с уважением.

— Хороший вопрос.

— Нам мастер задаёт. Всё, что рисуем. Кто убирает, кто чинит, как человек с сумкой зайдёт. Красоту после.

Она записала и это, хотя к пассажиропотоку фраза отношения не имела.

4. Человек у окна

Вера Павловна жила на втором этаже дома, который в Заречье называли новым. Дому было сорок три года. На лестнице пахло яблоками: сосед снизу хранил ящики прямо у батареи и сердился, когда ему говорили, что так они быстрее портятся.

— Это чтобы пахли, — объясняла Вера Павловна. — Есть он их всё равно не может. Зубов нет.

Она впустила Нину, взяла пальто и повесила на отдельный крючок. В прихожей было шесть крючков, но пальто висело только одно.

— Чай будешь?

— Я ненадолго.

— Значит, будешь быстро.

На кухне стоял стол для шестерых. На одном конце лежала газета, на другом — перевёрнутая чашка. Нина села посредине и сразу поняла, что заняла чужое место. Вера Павловна молча передвинула сахарницу.

— Вы давно тут одна?

— Ты пришла автобус считать или мою жизнь?

— Простите.

— Да ничего. Люди любят заходить с крупного.

Вера Павловна налила чай. Ей было семьдесят шесть. До пенсии она работала в школьной столовой и умела поставить чашку так, что человек немедленно начинал чувствовать себя учеником.

— Куда вы ездите на седьмом?

— В среду в библиотеку. В пятницу к Неле. Во вторник на рынок, если нужно. К врачу по записи.

— Неля — родственница?

— Подруга.

— Она не может к вам?

— Может. Но у неё кот, которого одного не оставишь. Если она приходит сюда, кот остаётся один и кричит. Соседи жалуются.

Нина посмотрела в блокнот. Для поездки к подруге из-за одинокого кота у неё не было готовой графы.

— Это тоже записывать? — спросила Вера Павловна.

— Конечно.

— А то у вас всегда больница. Будто старый человек имеет право выйти из дома только по болезни.

Нина отложила карандаш.

Вера Павловна смотрела в окно. Отсюда было видно остановку и половину дороги к мосту. Когда проезжал автобус, она чуть поворачивала голову, не прерывая разговора.

— Вы расписание знаете наизусть?

— Почти. В девять десять идёт тот, на котором Неля раньше приезжала. В двенадцать сорок обычно дети. Вечерний я не вижу, темно.

— После сокращения можно будет до рынка и пересесть.

— Ты пробовала?

— Сегодня.

— И?

— Не успела.

Вера Павловна кивнула так, словно Нина наконец дала правильный ответ у доски.

Они пили чай. За стеной кто-то двигал мебель. Из окна тянуло, и Вера Павловна подложила на подоконник свёрнутое полотенце. Нина предложила посмотреть уплотнитель.

— Не надо. Сын весной сделает.

— Он далеко?

— Достаточно, чтобы обещать весной.

Потом она рассказала, что сын зовёт её к себе. Комната есть, магазины рядом, лифт. Только там никто не знает, что она Вера Павловна. Там она будет мамой Олега из четырнадцатой квартиры. Нина хотела сказать, что знакомые появятся, но удержалась.

— Вы против переезда?

— Я против того, чтобы за меня делали выводы из моего возраста.

На подоконнике стояла фотография молодой женщины с девочкой. Нина узнала Веру Павловну с трудом. У молодой женщины была высокая причёска и выражение человека, который торопится к фотографу между двумя важными делами.

— Это дочь?

— Племянница. Я детей чужих много вырастила. Своего меньше видела, чем хотелось.

Она повернула фотографию к свету.

— Знаешь, что мне сын говорит? «Мам, ты никуда не выходишь». А я ему не рассказываю. Позвонишь, скажешь, что в библиотеку ездила, он сразу: зачем, всё в телефоне есть. Скажешь, что к Неле, — у тебя же ноги. Потом он удивляется, что я дома сижу. По его версии.

Нина подумала об Асе. О договоре, отоплении, комнате. О том, сколько вопросов можно задать человеку, ни разу не спросив, чего он ждёт с радостью.

Перед уходом Вера Павловна достала из ящика десять старых билетов.

— Вот тебе доказательства.

— Мне не нужны ваши билеты.

— А что нужно?

Нина не сразу ответила.

— Чтобы вы пришли на обсуждение двадцать второго. И рассказали сами.

— Там микрофон?

— Наверное.

— Я в микрофон не умею.

— Просто как со мной.

— С тобой я сорок минут говорю. Они меня столько слушать не будут.

Это тоже было верно. Нина пообещала помочь выбрать главное и тут же почувствовала неловкость: опять она собиралась определять, какая часть чужой жизни поместится в отведённое время.

У двери Вера Павловна сунула ей в сумку два яблока.

— От соседа. Он вчера целый ящик принёс.

— Они же для запаха.

— Вот и понюхаешь по дороге.

Нина вышла на улицу и обнаружила, что до автобуса сорок две минуты. Раньше она сказала бы: всего сорок две. Теперь нашла сухое место под козырьком, поставила сумку на землю и стала ждать.

5. Слишком удобная история

Объявление Нина написала от руки. На белом листе получилось: «Кто пользуется маршрутом № 7 и готов рассказать о своих поездках, приходите в четверг в библиотеку Заречья, к 18:00». Ниже она оставила номер телефона.

Библиотекарь Лариса разрешила собраться в читальном зале. Попросила только не приклеивать ничего к стенам и закончить до семи: потом у неё автобус.

— Тот самый? — спросила Нина.

— Тот самый.

В четверг пришли двадцать три человека. Нина ожидала шесть или семь и приготовила восемь листов для записей. Первые десять минут она разрезала листы пополам, пока люди снимали куртки и выясняли, кто здесь главный.

Главным объявил себя Сергей Громов, хозяин магазина у моста.

— Нужна петиция, — сказал он. — И сразу в область. Я текст составлю.

— Сначала надо понять поездки, — ответила Нина.

— Все всё понимают. Нас отрезают от города.

— Я живу у вокзала, — сказала женщина в красной шапке. — Мне седьмой нужен до матери. Меня от чего отрезают?

— От матери, — уверенно сказал Громов.

Несколько человек засмеялись. Нина почувствовала, как легко собрание может превратиться в представление, где самые быстрые слова победят остальные.

Она попросила по очереди назвать остановку, время и цель поездки. Громов недовольно откинулся на стуле. Рая рассказала про прачечную, Аркадий Михайлович — про пересадку. Молодая женщина по имени Дина объяснила, что работает до половины десятого в супермаркете.

— Последний седьмой уходит в двадцать один сорок. Я успеваю, если кассу закрываем без расхождений. С пересадкой уже не успею.

— Муж пусть забирает, — посоветовал кто-то сзади.

— Пусть, — сказала Дина. — Если найдёте.

На этот раз никто не засмеялся.

Вера Павловна рассказывала про библиотеку. Громов перебил её:

— Вы лучше про врача. Это сильнее.

Нина подняла руку.

— Мы записываем то, что есть.

— А я вам говорю, как добиться результата.

— Результата для кого?

Он посмотрел на неё так, будто она задала бессмысленный вопрос.

У Сергея Громова было энергичное лицо и привычка подталкивать очки средним пальцем. Он хорошо говорил, быстро считал и, как вскоре выяснилось, собирался открыть у магазина пункт выдачи. Если остановку перенесут, поток покупателей уйдёт к рынку.

— Вы поэтому здесь? — спросил Аркадий Михайлович.

— А мне теперь нельзя? Потому что я работаю?

— Можно. Только скажите.

Громов пожал плечами.

— Да, мне тоже нужен автобус. У меня магазин. Я плачу налоги. Что дальше?

Нина записала: «Магазин у моста. Работники, покупатели». Она не знала, сколько из этого следует учитывать, но решила не вычёркивать человека за то, что его интерес можно выразить в деньгах.

Тимофей пришёл последним. Он принёс ноутбук, который не держал заряд, и попросил розетку. Через пять минут на стене, куда нельзя было ничего клеить, появилась карта — он поставил ноутбук на высокий шкаф, потому что проектора не было, а так экран был виден хотя бы первому ряду.

— Если перенести пересадку сюда, путь короче, — сказал он.

— Там грузовики, — отозвался Марат, стоявший у двери. — И автобусу негде развернуться.

Тимофей молча убрал линию.

Нина заметила это и попросила вернуть.

— Пусть остаётся с пометкой. Нам надо знать, почему не подходит.

К семи у неё было девятнадцать описаний поездок, три разных предложения и головная боль. У Громова — сто семь подписей в электронном обращении, которое он всё-таки успел выложить.

— Вот, — сказал он, показывая телефон. — Пока вы разговаривали.

В обращении говорилось, что отмена маршрута лишит три тысячи жителей доступа к медицинской помощи. Нина спросила, откуда число.

— Население Заречья.

— Все три тысячи ездят в больницу на автобусе?

— Нина, не цепляйтесь. Общий смысл верный.

Она почувствовала странное узнавание. Три недели назад ей самой казалось, что общий смысл таблицы верный. Для большого решения достаточно было нескольких чисел. Подробности можно было оставить в примечании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.